

ЦЕНА 10 КОП.

М. ЗОЩЕНКО

МЕЩАНСКИЙ УКЛОН

№

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

БЕРЕМОТ

34

М. ЗОЩЕНКО

МЕЩАНСКИЙ
УКЛОН

На обложке портрет автора работы В. СВАРОГА

ВЕСЕЛАЯ БИБЛИОТЕКА

„БЕГЕМОТА“

Изд-во „Красная Газета“

Ленинград — 1927

(№ 1—1927 г.).

□ □ □ ТИПОГРАФИЯ □ □ □
„КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“
ИМЕНИ ВОЛОДАРСКОГО
Ленинград, Фонтанка, 57.

Ленинградский Гублит № 29324.

Тираж 50.000 экз.

Заказ № 6386.

МЕЩАНСКИЙ УКЛОН

Этот случай окончательно может доканать человека.

Василия Тарасовича Растопыркина, — Васю Растопыркина, этого чистого пролетария, беспартийного чорт знает с какого года, — выкинули давеча с трамвайной площадки.

Больше того — мордой его трахнули об трамвайную медную полустойку. Он был ухвативши за нее двумя руками и головой и долго не отцеплялся. А его милиция и обер-стрелочник стягивали.

Стягивали его вниз по просьбе мещански настроенных пассажиров.

Конечно, слов нет, одет был Василий Тарасович не во фраке. Ему, знаете, нету времени фраки и манжетки на грудь надевать. Он, может, в 5 часов шабашит и сразу домой прет. Он, может, маляр. Он, может, действительно, как собака грязный едет. Может, краски и другие предметы ему льются на костюм во время про-

фессии. Может, он от этого морально устает и ходить пешком ему трудно.

И не может он, в виду скромной зарплаты, автомобили себе нанимать для разъездов и приездов. Ему автомобили — не по карману. Ему бы на трамвае проехаться — и то хлеб. Ой, до чего дожили, до чего докатились!

А пошабашил Василий Тарасович в 5 часов. В 5 часов он пошабашил, взял, конечно, на плечи стремянку и ведрышко с остатней краской и пошел себе к дому.

Пошел себе к дому и думает:

— Цельный день, думает, лазию по стремянкам и разноцветную краску на себя напускаю и не могу идти пешком. Дай, думает, сяду на трамвай, как уставший пролетарий.

Тут, конечно, останавливается перед ним трамвай № 6. Василий Тарасович просит, конечно, одного пассажира подержать в руке ведрышко с остатней краской, а сам, конечно, становится на площадку стремянку.

Конечно, слов нет, стремянка не была сплошной чистоты — не блестела. И в ведрышко — раз в нем краска — нельзя свои пальты окунать. И которая дама сунула туда руку — сама, дьявол ее задави, виновата. Не суй рук в чужие предметы!

Но это все так, с этим мы не спорим: может, Василий Тарасович, действительно, верно, не по закону поступил, что со стремянкой ехал.

Речь — не об этом. Речь — о костюме. Нэпманы, сидящие в трамвае, решительно взбунтовались как-раз именно насчет костюма.

— То-есть, — говорят, — не можно к нему прикоснуться совершенно, то-есть, отпечатки бывают.

Василий Тарасович резонно отвечает:

— Очень, говорит, то-есть, понятно, — раз масляная краска на олифе, то отпечатки завсегда случаются. Было бы, говорит, смертельно удивительно, если-б без отпечатков.

Тут, конечно, одна нэпманша из кондукторов трезвонит, конечно, во все свои звонки и вагон останавливает. Останавливает вагон и хамским голосом просит сойти Василия Тарасовича.

Василий Тарасович говорит:

— Трамвай для публики, или публика для трамвая, — это же, говорит, понимать надо. А я, говорит, может, в 5 часов шашашу. Может, я маляр?

Тут, конечно, происходит печальная сцена с милицией и обер-стрелочником. И кустаря-пролетария Василия Тарасовича Растопыркина сымают, как сукинова сына, с трамвайной площадки, мордой задевают об полустойку и высаживают. Ой, до чего докатились!

СПЕШНОЕ ДЕЛО

Это будет рассказ про нэпмана. Которые пролетарии не хотят про это читать — пушай не читают. Мы не настаиваем! А только факт очень густой. И нельзя его обойти полным молчанием.

Произошло это в самые недавние дни.

Сидит, предположим, нэпман Егор Горбушкин на своей квартире. Утренний чай пьет. Масло, конечно, сыр, сахар горой насыпан. Чай земляничный.

Родственники так и жрут эти продукты без усталости. Нэпман Горбушкин тоже, конечно, от родственников не отстаёт — шамаёт.

Под пищу, конечно, легкий разговор идет. Дескать, пожрем сейчас и пойдем ларек открывать. Надо, дескать, торговлишкой оправдать чего сожрали.

Вдруг, конечно, звонок происходит. На лестнице.

Происходит звонок и в квартиру входит обыкновенный человек и заявляет:

— Я—агент Гепеу. Не бойтесь! Который тут нэпман Егор Горбушкин — пушай живо собирается и идет со мной. Вот мандат и повестка.

Отчаянно побледнел тут нэпман Горбушкин. Начал читать повестку. Да, действительно велят немедленно явиться по уголовному делу.

Встал нэпман из-за стола. Отчаянно трясется. Зубами ударяет.

— Только бы, говорит, не высшая мера. Высшую меру я действительно с трудом переношу. Остальное как-нибудь с божьей помощью.

Горячо попрощался нэпман со своими родственниками, всплакнул о превратности судьбы, взял в узелок немного несъеденных продуктов и папирос три коробки и под общий плач отбыл.

Отбыл и, конечно, не является. И уже три часа дня ударяет — нету нэпмана.

Тут плач и рыданье происходит в квартире. Родственники приезжают совещаться.

Жена, мадам Горбушкина, сквозь рыданье произносит:

— Дескать, по какому делу влип мой супруг—еще пока неизвестно. Но одно ясно: какое-нибудь дело найдется. У каждого человека дела имеются и каждый человек по краешку ходит. Но неужели же за это высшую меру могут сделать?

Брат нэпмана, Павел Горбушкин, говорит:

— На высшую меру я, говорит, не надеюсь. Но скорей всего в силу социального положения, как пить дать, конфискуют имущество. Это, говорит, уж прямо вот как верно. Предлагаю ввиду этого ликвидировать имущество, а то, говорит, вдове жить будет нечем.

Начали, конечно, родственники в ударном порядке шкафы перетряхивать. Вытрусил разные костюмы и одежду в кучу, начали продавать. Разные жильцы и торговцы сошлись. Тут же мебель запродали, пианино загнали за приличную сумму.

К вечеру, одним словом, продались. Начали даже квартиру сватать. Оставила вдова с братом себе только боковую комнату, а остальную площадь сосватала с подходящими въездными.

Вдруг в 7 часов вечера нэпман Горбушкин является. Веселенький и слегка под хмельком.

— Фу, — говорит, — пропасть какая! Я, говорит, думал, что высшая мера, а оно ничего похожего. Вызвали меня для одной справки. Вроде как свидетелем. Я уж, говорит, дорогие родственнички, от превеликой радости в ресторации лишние полчаса просидел. Извиняюсь за тревожное волнение.

Тут, конечно, происходит немая сцена в проданной квартире.

Однако, нэпман Горбушкин ничуть даже не огорчился.

— Это, говорит, прямо даже очень великолепно, что запродались. Все мы по краешку ходим. А оно без имущества много спокойней и благородней.

После небольшого фокстрота родственники осторожно разошлись по домам.

МОНТЕР

Я, ребяташки, зря спорить не буду — кто важней в театре: актер, режиссер или, может быть, театральный плотник. Факты покажут. Факты всегда сами за себя говорят.

Дело это произошло в Саратове или в Симбирске, одним словом, где-то недалеко от Туркестана, в городском театре.

Играли в этом городском театре оперу. Кроме выдающейся игры артистов был в этом театре, между прочим, монтер — Иван Кузьмич Мякишев.

На общей группе, когда весь театр снимали на карточку, монтера этого пихнули куда-то сбоку, — мол, технический персонал. А в центр на стул со спинкой посадили тенора.

Монтер Иван Кузьмич Мякишев ничего на это хамство не сказал, но затаил в душе некоторую грубость.

А тут такое подошло. Сегодня, для примера, играют „Руслана и Людмилу“. Музыка Глинки.

Дирижер — Кацман. А без четверти минут восемь являются до этого монтера две знакомые ему барышни. Или он их раньше пригласил, или они сами приперлись — неизвестно. Так являются эти барышни, отчаянно флиртуют и вообще просят их посадить в общую залу — посмотреть на спектакль.

Монтер говорит:

— Да ради бога, медам. Сейчас я вам пару билетов сварганю — будьте уверены. Посидите тут у будки.

И сам, конечно, к управляющему.

Управляющий говорит:

— Сегодня вроде как суббота. Народу пропасть. Каждый стул на учете. Не могу.

Монтер говорит:

— Ах, так! — говорит. — Ну, так я играть отказываюсь, одним словом, отказываюсь освещать ваше производство. Играйте без меня. Посмотрим тогда, кто из нас важней и кого сбоку сымать, а кого в центр сажать!

И сам обратно в будку. Выключил по всему театру свет к чортовой бабушке, замкнул на ключ будку и сидит — отчаянно флиртует,

Тут произошла, конечно, форменная абстракция. Управляющий бегаёт. Публика орёт. Кассир визжит, пугается, как бы у него деньги в темноте не уперли. А бродяга, главный оперный тенор, привыкший сыматься в центре, заявляется до дирекции и говорит своим тенором:

— Я в темноте петь тенором отказываюсь. Раз, говорит, темно — я уйду. Мне, говорит, голос себе дороже. Пушай, сукин сын, монтер пост.

Монтер говорит:

— Пушай не поет. Наплевать ему в морду. Раз он, сволочь такая, в центре сымается, то и пушай одной рукой поет, другой свет зажигает. Дерьмо какое нашлось. Думает тенор, так ему и свети все время. Теноров нынче нету.

Тут, конечно, монтер схлеснулся с тенором.

Вдруг управляющий является, говорит:

— Где эти чертовы две девицы? Через их полная гибель. Сейчас я их куда-нибудь посажу, корова их забодай.

Монтер говорит:

— Вот они. Только не через их гибель и не через тенора, а гибель через меня. Сейчас, говорит, я свет дам. Мне энергии принципиально не жалко.

Дал он сию минуту свет.

— Начинайте, говорит.

Сажают тогда его девиц на выдающиеся места и начинают спектакль.

Теперь и разбирайтесь, кто важнее в этом сложном театральном механизме.

Товарищ Локтев и его дама Ньюша Кошелькова на-днях встретили меня на улице. Я гулял или, может быть, шел горло промочить—не помню.

Встречают и уговаривают.

— Горло, — говорят, — Василий Митрофанович, от вас не убежит. Горло завсегда при вас, завсегда его прополоскать успеете. Идемте лучше сегодня в театр. Спектакль—„Грелка“.

И, одним словом, уговорили меня пойти в театр — провести культурно вечер.

Пришли мы, конечно, в театр. Взяли, конечно, билеты по рубль тридцать. Поднялись по лестнице. Вдруг назад кличут. Велят раздеваться.

— Пальто, говорят, сымайте.

Локтев, конечно, с дамой моментально скинули пальто. А я, конечно, стою в раздумьи. Пальто у меня было в тот вечер прямо на ночную рубашку надето. Пиджака не было. И чувствую, братцы мои, сымать как-то неловко. Прямо, думаю, срамота может сейчас произойти. Главное—рубаха нельзя сказать, что грязная. Рубаха не особо грязная. Но, конечно, грубая, ночная. Шинельная пуговица, конечно, на вороте пришита крупная. Срамота, думаю, с такой крупной пуговицей в фойе идти.

Я говорю своим:

— Прямо, говорю, товарищи, не знаю, чего и делать. Я сегодня одет неважно. Неловко как-то мне пальто сымать. Все-таки подтяжки там и сорочка опять же грубая.

Товарищ Локтев говорит:

— Ну, покажись.

Расстегнулся я. Показываюсь.

— Да, говорит, действительно видик...

Дама тоже, конечно, посмотрела и говорит:

— Я, говорит, лучше домой пойду. Я, говорит, не могу, чтоб кавалеры в одних рубашках рядом со мной ходили. Вы бы, говорит, еще подштанники поверх штанов пристегнули. Довольно, говорит, вам неловко в таком отвлеченном виде в театры ходить.

Я говорю:

— Я не знал, что я в театры хожу, — дура какая. Я, может, пиджаки редко надеваю. Может, я их берегу, — что тогда.

Стали мы думать, чего делать. Локтев, собака, говорит:

— Вот чего. Я, говорит, Василий Митрофанович, сейчас тебе свою жилетку дам. Одевай мою жилетку и ходи в ней, будто тебе все время в пиджаке жарко.

Расстегнул он свой пиджачек, стал щупать и шарить внутри себя.

— Ой, говорит, мать честная, я, говорит, сам сегодня не при жилетке. Я, говорит, тебе лучше сейчас галстух дам, все-таки поприличней. Привяжи на шею и ходи, будто тебе жарко.

Дама говорит:

— Лучше, говорит, я, ей-богу, домой пойду. Мне, говорит, дома как-то спокойней. А то,

говорит, один кавалер чуть не в подштанниках, а у другого галстук вместо пиджака. Пушай, говорит, Василий Митрофанович в пальто попросит пойти.

Просим и умоляем, показываем союзные книжки — не пушают. Это, говорят, не 19 год в пальто сидеть.

— Ну, говорю, ничего не пропишешь. Кажись, братцы, надо домой ползти.

Но как подумаю, что рубль тридцать заплачено, не могу идти — ноги не идут к выходу.

Локтев, собака, говорит:

— Вот чего. Ты, говорит, подтяжки отстегни, — пушай их дама понесет вместо сумочки. А сам валяй как есть: будто у тебя это летняя рубашка „апаш“ и тебе, одним словом, в ней все время жарко.

Дама говорит:

— Я подтяжки не понесу, как хотите. Я, говорит, не для того в театры хожу, чтоб мужские предметы в руках носить. Пушай Василий Митрофанович сам несет или в карман себе сунет.

Раздеваю пальто. Стою в рубашке, как сукин сын.

А холод довольно собачий. Дрожу и прямо зубами лязгаю. А кругом публика смотрит.

Дама отвечает:

— Скорей вы, подлец этакий, отстегивайте помочи. Народ же кругом ходит. Ой, ей-богу, лучше я домой сейчас пойду.

А мне скоро тоже че отстегнуть. Мне холодно. У меня, может, пальцы не слушаются — сразу отстегивать. Я упражнения руками делаю.

После приводим себя в порядок и садимся в места.

Первый акт проходит хорошо. Только что холодно. Я весь акт гимнастикой занимался.

Вдруг в антракте задние соседи скандал поднимают. Зовут администрацию. Объясняют насчет меня.

— Дамам, говорят, противно на ночные рубашки глядеть. Это, говорят, их шокирует. Кроме того, говорят, он все время вертится, как сукин сын.

Я говорю:

— Я верчусь от холода. Посидите-ка сами в одной рубахе. А я, говорю, братцы, и сам не рад. Что же сделать?

Волокут меня, конечно, в контору. Записывают все как есть.

После отпускают.

А теперь, говорят, придется трешку по суду отдать.

Вот гадость-то! Прямо не угадаешь, откуда неприятности...

УЗЕЛ

Воровство, милые мои, это—цельная и огромная наука.

В наше время, сами понимаете, ничего не сопрешь так вот, здорово живешь. В наше время громадная фантазия требуется.

Главная причина—публика очень осторожная стала. Публика такая, что завсегда стоит на страже своих интересов. Одним словом, вот как бережет свое имущество. Пуще глаза.

— Глаз, говорят, завсегда по страхкарточке восстановить можно. Имущество же никоим образом при нашей бедности не вернешь. И это действительно верно.

По этой причине вор нынче пошел очень башковатый, с особенным умозрением и с выдающейся фантазией. Иначе ему с таким народом не прокормиться.

Да вот, для примеру, нынче осенью опутали одну знакомую мою—бабку Анисью Пегрову. И ведь какую бабку опутали! Эта бабка сама очень просто может любого опутать. И вот

подите же — уперли у ней узел, можно сказать, прямо из-под сижу.

А уперли, конечно, с фантазией и замыслом. А сидит бабка на вокзале. Во Пскове. На собственном узле. Ожидает поезда. А поезд в 12 часов ночи ходит.

Вот бабка с утра пораньше и приперлась на вокзал. Села на собственный узел. И сидит. И нипочем не сходит. Потому пугается сходить. Не замели бы, полагает, узел.

Сидит и сидит бабка. Тут же на узле шамают иводицу пьет, — подают ей христа ради прохожие. А по остальным мелким делишкам, — ну, мало ли — помыться или побриться, — не идет бабка — терпит. Потому узел у ней очень огромный, ни в какую дверь вместе с ней не влазит по причине размеров. А оставить, я говорю, боязно.

Так вот сидит бабка и дремлет.

— Со мной, думает, вместях узел не сопрут. Не таковская я старуха. Сплю я довольно чутко — проснусь.

Начала дремать наша божья старушка. Только слышит сквозь дремоту, будто кто-то ее коленом пихает в морду. Раз, потом другой раз, потом третий раз.

— Ишь ты, как задевают! — думает старуха. — Неаккуратно как народ ходит.

Протерла бабка свои очи, хрюкнула и вдруг видит будто какой-то посторонний мужчина

проходит мимо нее и вынимает из кармана платок. Вынимает он платок и с платком вместе нечаянно вываливает на пол зеленую трешку.

То-есть ужас как обрадовалась бабка. Плюнулась, конечное дело, вслед за трешкой, придавила ее ногой, после наклонилась незаметно — будто господу богу молится и просит его подать поскорей поезд. А сама, конечное дело, трешку в лапу и обратно к своему добру.

Тут, конечно, грустновато рассказывать, но когда обернулась бабка, то узла своего не нашла. А трешка, между прочим, оказалась грубо-фальшивая. И была она кинута на предмет того, чтобы бабка сошла бы со своего узла.

Эту трешку с трудом бабка продала за полтора целковых.

ГИБЕЛЬ ЧЕЛОВЕКА

Кончено. Баста! Никакой жалости к людям не осталось в моем сердце.

Вчера еще до шести часов вечера сочувствовал и уважал людей, а нынче не могу, ребяташки. До последней точки докатилась людская неблагодарность.

Вчера, извольте видеть, за мою жалость к ближнему человеку отчаянно пострадал и, может, даже предстану перед народным судом в ближайшем будущем.

Баста. Зачерствело мое сердце. Пушай ближние больше на меня не рассчитывают.

А шел я вчера по улице. Иду я вчера по улице и вижу — народ будто стоит, скопившись подле ворот. И кто-то отчаянно охает. И кто-то руками трясет. И вообще вижу — происшествие. Подхожу. Спрашиваю об чем шум.

— Да вот, говорят, тут ногу сломал один гражданин. Идти теперь не может.

— Да уж, говорю, тут не до хольбы.

Растолкал я публику и подхожу ближе к месту действия. И вижу — какой-то человечешко действительно лежит на плитуре. Морда у него отчаянно белая и нога в брюке сломана. И лежит он, сердечный друг, упершись башкой в самую тумбу и бормочет:

— Мол, довольно склизко, граждане, извиняюсь. Шел и упал, конечно. Нога—вещь непрочная.

Сердце у меня горячее, жалости к людям много и вообще не могу видеть гибель человека на улице.

— Братцы, говорю, да, может, он член союза. Надо же предпринять тем не менее.

И сам, конечно, бросаюсь в телефонную будку. Вызываю скорую помощь. Говорю: нога сломана у человека, поторопитесь по адресу.

Приезжает карета. В белых балахонах сходят отсюда четыре врача. Разгоняют публику и укладывают пострадавшего человека на носилки.

Между прочим, вижу — этот человек совершенно не желает, чтобы его положили на носилки. Пихает всех четырех врачей остатней, здоровой ногой и до себя не допускает.

— Пошли вы, говорит, все четыре врача туда-сюда. Я, говорит, может, домой торплюся.

И сам чуть, знаете, не плачет.

— Что, думаю, за смятение ума у человека.

И вдруг произошло некоторое замешательство. И вдруг слышу — меня кличут.

— Это, говорят, дядя, ты вызывал карету скорой помощи?

— Я, говорю.

— Ну, так, говорят, придется тебе через это отвечать по всей строгости революционных законов. Потому как зря карету вызвал — у гражданина искусственная нога обломилась.

Записали мою фамилию и отбыли.

И чтобы я после этого факта еще расстраивал свое благородное сердце — ни в жисть! Пуццей убивают на моих глазах человека — ни по чем не поверю. Потому — может, для кино-съемки его убивают.

И вообще ничему теперь не верю, — время такое невероятное.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
1. Мещанский уклон	3
2. Спешное дело	6
3. Монтер	10
4. Гости	13
5. Театр для себя	17
6. Прелести культуры	20
7. Узел	25
8. Гибель человека	28

300

РУБ. премий еженедельно выдает своим читателям за лучшие подписи к рисунку журнал

БЕГЕМОТ

Участвовали ли вы в конкурсах журнала „БЕГЕМОТ“ на лучшую подпись? Не забудьте купить выходящий 4-го января № 1 „БЕГЕМОТА“. Там опубликованы фамилии получивших 200 р. и 100 р. Быть может, один из счастливых — именно вы.

Принимайте участие в дальнейших еженедельных конкурсах „БЕГЕМОТА“.

Чтобы не пропустить ни одного конкурса, подпишитесь на „БЕГЕМОТ“. В 1927 году журнал „БЕГЕМОТ“ выйдет в большом формате, по образцу лучших европейских много-красочных изданий. Всем ГОДОВЫМ подписчикам будет дана бесплатная премия: БОЛЬШАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ „БЕГЕМОТА“.

Одновременно с „БЕГЕМОТОМ“ можно подписаться на „ПУШКУ“ и „ВЕСЕЛУЮ БИБЛИОТЕКУ“ (52 выпуска в год лучших русских и иностранных юмористов).

„БЕГЕМОТ“

на год 6 р. — к.	■	на 3 мес. 1 р. 70 к.
„ 6 мес. 3 „ 25 „	■	„ 1 „ — „ 60 „

„БЕГЕМОТ“ и „ВЕСЕЛАЯ БИБЛИОТЕКА“

на год 10 р. — к.	■	на 3 мес. 2 р. 75 к.
„ 6 мес. 5 „ 35 „	■	„ 1 „ — „ 95 „

„БЕГЕМОТ“, „ПУШКА“ и „ВЕСЕЛАЯ БИБЛ.“

на год 12 р. — к.	■	на 3 мес. 3 р. — к.
„ 6 мес. 6 „ — „	■	„ 1 „ 1 „ — „

В розничной продаже отд. № „БЕГЕМОТА“ — 15 коп.,
отд. № „ПУШКИ“ — 5 коп., отд. выпуск ВЕСЕЛОЙ
БИБЛИОТЕКИ „БЕГЕМОТА“ — 10 коп.

Подписка принимается: в ЛЕНИНГРАДЕ — Фонтанка, 57, Гл. Конт-
„Кр. Газеты“; в МОСКВЕ — в отдел. „Кр-
Газ.“: Советская пл., 34, и во всех почт.-тел. конторах СССР.

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА **БЕГЕМОТ**

В 1926 году в издании „ВЕСЕЛОЙ
БИБЛИОТЕКИ **БЕГЕМОТА**“ выпу-
щены следующие авторы:

В. Ардов, А. Архангельский (Архип), В. Воинов,
Р. Волженин, Э. Гард, А. Григорович, А. д'Антьиль,
М. Зощенко, М. Козырев, Б. Левин, В. Лебедев
(Кумач), Игн. Ломанин, К. Мазовский, М. Медве-
дев, Н. Никитин, Л. Никулин, И. Прутков, Пант.
Романов, И. Свэн, И. Сокол, С. Томский, Вяч.
Шишнов и др.

Цена отдельного выпуска в красочной обложке
с портретом автора 10 коп.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1927 год
на еженедельную библиотеку вместе с журналом

БЕГЕМОТ

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На 1 мес. — р. 95 к. || На 6 мес. 5 р. 35 к.
. 3 2 . 75 . || . 12 10 . — .

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В ЛЕНИНГРАДЕ — в Гл. Конторе „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“ —
ФОНТАНКА, 57. В отделениях Гл. Конторы — ПРОСПЕКТ
25 ОКТЯБРЯ, 68 и д. 1, а также во всех почтовых конторах СССР

БЕРЕМОТ

Цена 10 к.